

Джон Максвелл
Кутзее

Смерть Иисуса

*Будь
отважен,
будь светел
в беде.*

Джон Максвелл Кутзее
Смерть Иисуса
Серия «Иисус», книга 3
Серия «Лучшее из лучшего».
Книги лауреатов мировых
литературных премий»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63453317
Смерть Иисуса: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113664-2

Аннотация

Давиду уже десять. Он играет в футбол и спорит с родителями, но, несмотря на такие привычные мальчишеские повадки, он совсем не похож на сверстников. История о пути Давида в этом мире полна непростых вопросов о жизни, людях и памяти. Философский и пронизанный размышлениями, «Смерть Иисуса» – невероятный по своей силе роман, каждое слово которого – с трудом постижимая загадка.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джон Максвелл Кутзее

Смерть Иисуса

J. M. Coetzee

THE DEATH OF JESUS

© Мартынова Ш., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Осенний день, зябко. Он стоит на заросшем травой пустыре позади многоквартирного дома, наблюдает за футбольным матчем. Обычно он – единственный зритель, смотрит, как играют соседские дети. Но сегодня останавливаются посмотреть двое посторонних: мужчина в темном костюме, а с ним девочка в школьной форме.

Мяч вылетает по дуге с левого края – оттуда, где играет Давид. Захватив мяч, Давид легко обходит защитника, выбежавшего ему помешать, и навесным ударом отправляет мяч в центр. Мяч ускользает от всех, ускользает от вратаря, пересекает линию ворот.

Дети играют по будням, команд как таковых у них нет. Мальчики собираются, как им удобно, включаются в игру, выпадают из нее. То их на поле тридцать, то всего полдюжины. Когда Давид только-только влился в эти игры три года назад, он был младшим и самым мелким. А теперь он среди мальчиков покрупнее, но верток, хоть и высок, быстроног – коварный нападающий.

В игре затишье. Чужаки приближаются; пес, дремлющий у его ног, просыпается и поднимает голову.

– Добрый день, – говорит мужчина. – Что за команды играют?

– Это просто дворовая игра местной детворы.

– Неплохо у них получается, – говорит чужак. – Вы родитель?

Родитель ли он? Стоит ли объяснить, кто он такой на самом деле?

– Вон тот – мой сын, – говорит он. – Давид. Высокий мальчик, темноволосый.

Чужак оглядывает Давида, высокого темноволосого мальчика, рассеянно бредущего по полю без особого внимания к игре.

– Они не думали собрать команду? – спрашивает чужак. – Позвольте представиться. Меня зовут Хулио Фабриканте. А это Мария Пруденсия. Мы из «Лас Маноса». Слыхали о «Лас Маносе»? Нет? Это сиротский приют на том берегу реки.

– Симон, – говорит он.

Симон пожимает руку Хулио Фабриканте из приюта, кивает Марии Пруденсии. Марии, предполагает он, лет четырнадцать, крепко сбитая, с тяжелыми бровями и развитым бюстом.

– Я спрашиваю, потому что мы б с удовольствием приютили такую команду. У нас есть настоящее поле с настоящей разметкой и настоящими воротами.

– Думаю, им хватает просто пинать мяч.

– Если не соревноваться, навыков не накопишь, – говорит Хулио.

– Согласен. Вместе с тем, если создавать команду, придется выбрать одиннадцать, а остальных исключить, а это про-

тиворечит духу, который им здесь удалось создать. Я так это понимаю. Но может, и ошибаюсь. Возможно, они и вправду хотели бы соревноваться и копить навыки. Спросите у них.

Мяч у ног Давида. Он делает финт влево, бежит вправо, движется так гладко, что защитник остается не у дел. Пасует напарнику по команде и наблюдает, как напарник безвольно забрасывает мяч в руки вратарю.

– Очень хорош он, ваш сын, – говорит Хулио. – От природы.

– У него преимущество перед друзьями. Он берет уроки танцев, оттого у него хорошо с равновесием. Если б остальные мальчики брали уроки танцев, у них получалось бы так же.

– Слышишь, Мария? – говорит Хулио. – Может, надо последовать примеру Давида и позаниматься танцами.

Мария упорно смотрит прямо перед собой.

– Мария Пруденсия играет в футбол, – говорит Хулио. – Она у нас в команде один из главных бойцов.

Солнце садится. Скоро мальчик – хозяин мяча заберет его («Мне пора»), и игроки разбредутся по домам.

– Я понимаю, что вы им не тренер, – говорит Хулио. – И мне ясно, что вы не поклонник организованного спорта. Тем не менее подумайте – ради этих мальчиков. Вот моя карточка. Им, может, понравится играть командой против другой команды. Очень приятно было познакомиться.

Д-р Хулио Фабриканте, Educador, – гласит карточка. –

Orfanato de Las Manos, Estrella 4.

– Пошли, Боливар, – говорит он. – Пора домой.

Собака с усилием встает, зловонно пукает.

За ужином Давид спрашивает:

– Что это был за человек, с которым ты разговаривал?

– Его зовут доктор Хулио Фабриканте. Вот его карточка.

Он из приюта. Предлагает вам собрать команду, чтобы играть против команды из приюта.

Инес рассматривает карточку.

– *Educador*, – читает она. – Что это такое?

– Затеиливое название учителя.

Когда он приходит на травянистое поле назавтра после обеда, доктор Фабриканте уже там – разговаривает с мальчиками, сгрудившимися вокруг.

– Можете и название для своей команды выбрать, – говорит он. – И цвет командных футболок выбрать.

– «Лос Гатос», – говорит один мальчик.

– «Лас Пантерас», – говорит другой.

«Лас Пантерас» мальчикам нравится, а предложение доктора Хулио их, похоже, воодушевляет.

– Мы у себя в приюте зовемся «Лос Альконес» – в честь ястреба, птицы, у которой самый зоркий глаз.

Давид спрашивает:

– Почему вы не назвались «Лос Уэрфанос»?

Неловкая тишина.

– Потому что, молодой человек, – отвечает доктор Фабри-

канте, – мы не ищем поблажек. Не просим, чтобы нам подыг-
рывали из-за того, кто мы такие.

– Вы сирота? – спрашивает Давид.

– Нет, сам я, так вышло, не сирота, но отвечаю за приют и
живу в нем. Я питаю громадное уважение и любовь к сирот-
там, а их на белом свете гораздо больше, чем вы, вероятно,
думаете.

Мальчики помалкивают. Он, Симон, тоже молчит.

– Я сирота, – говорит Давид. – Можно мне играть у вас
в команде?

Мальчики прыскают. Они привыкли к подначкам Давида.

– Перестань, Давид! – яростно шепчет кто-то.

Пора вмешаться.

– Не уверен, Давид, что ты понимаешь как следует, что
такое быть сиротой – настоящим сиротой. У сироты нет се-
мьи, нет дома. Тут-то и возникает доктор Хулио. Он предо-
ставляет сиротам дом. У тебя дом уже есть. – Обращается к
доктору Хулио: – Простите, что втянул вас в семейный спор.

– Не за что извиняться. Вопрос, поднятый юным Давидом,
важен. Что это значит – быть сиротой? Значит ли это всего
лишь, что у тебя нет зримых родителей? Нет. Быть сиротой
– на глубочайшем уровне – значит быть одиноким на всем
белом свете. В некотором смысле все мы сироты, ибо мы все
на глубочайшем уровне одиноки на белом свете. Как я гово-
рю молодежи, вверенной моим заботам, нет ничего постыд-
ного в том, чтобы жить в приюте, ибо приют есть микрокосм

общества.

– Вы не ответили, – говорит Давид. – Можно мне играть у вас в команде?

– Лучше играй за свою команду, – говорит доктор Фабрикante. – Если бы все играли за «Лос Альконес», у нас бы не было противников. Никакого соревнования.

– Я не прошу за всех. Я прошу за меня.

Доктор Фабрикante поворачивается к нему, Симону.

– Что скажете, сеньор? Одобряете «Лас Пантерас» как название вашей команды?

– У меня нет мнения, – отвечает он. – Я не хотел бы навязывать свои вкусы этим юношам. – Тут он умолкает. Хотел бы добавить: *...этим юношам, которые, покуда не явились вы, счастливы были играть в футбол по своему разумению.*

Глава 2

Четвертый год они проживают в этом многоквартирном доме. Хотя квартира Инес на втором этаже достаточно просторная для всех троих, он, Симон, по их обоюдному согласию вселился в отдельную квартиру на первом, поменьше и попроще обставленную. Ему она стала по карману с тех пор, как к его заработку возникла надбавка за увечье спины, которая так и не исцелилась как следует, с тех самых пор, когда он трудился грузчиком в Новилле.

У него есть свой доход и своя квартира, но нет круга общения – не потому, что он нелюдим, и не потому, что Эстрелла – неприветливый город, а потому что он, Симон, давно решил целиком посвятить себя воспитанию мальчика. Инес же проводит дни, а иногда и вечера в заботах о магазине модной одежды, в котором она совладелица. Ее друзья – из «Модас Модернас» и более широкого мира моды. Симон сознательно не интересуется этими дружбами. Есть ли у нее среди друзей любовники, он не знает и знать не желает – лишь бы оставалась хорошей матерью.

У нее под крылом Давид благоденствует. Он силен и здоров. Годы тому назад, когда они жили в Новилле, приходилось воевать с государственной системой образования. Учителя Давида считали его *obstinado* – своенравным. С тех пор от государственных школ Давида держали подальше.

Он, Симон, уверен, что ребенок со столь явной врожденной смекалкой способен обойтись без формального образования. *Это исключительный ребенок*, – говорит он Инес. – *Кто в силах предсказать, в каком направлении он одарен?* Инес, когда настроена пощеднее, даже готова с этим соглашаться.

В Академии музыки в Эстрелле Давид посещает занятия по пению и танцам. Пение ведет директор Академии Хуан Себастьян Арройо. В танце же его в Академии никто ничему научить не может. В те дни, когда является на занятия, он танцует как ему заблагорассудится, остальные же ученики повторяют за ним, а если у них не получается – наблюдают.

Он, Симон, – тоже танцор, пусть и поздно обращенный, да и без дарования. Он танцует сам по себе, по вечерам, уединенно. Облачившись в пижаму, включает граммофон на небольшую громкость и танцует сам с собою, зажмурившись, долго – пока ум не опорожняется совсем. Затем Симон выключает музыку, ложится в постель и спит сном праведных.

Почти все вечера музыка – танцевальная сюита для флейты и скрипки, сочиненная Арройо на смерть своей второй жены Аны Магдалены. У танцев нет названий, у записи, подготовленной где-то в подсобке какой-то лавки в городе, нет этикетки. Музыка же медленная, величественная и печальная.

Давид не снисходит до посещения обычных уроков, особенно до упражнений по математике, в отличие от всех нор-

мальных десятилеток, из-за предубеждения против арифметики, какую поддерживала в нем покойная сеньора Арройо: она внушила ученикам, прошедшим через ее руки, что целые числа – это божества, небесные сущности, они существовали до того, как возник физический мир, и продолжают существовать после того, как мир завершит быть, а потому заслуживают почтения. Смешивать числа между собой (*adición, sustracción*), или рубить их на куски (*fracciones*), или применять их к измерению количеств кирпичей или муки (*la medida*) – значит оскорблять их божественность.

На десятилетие они с Инес подарили Давиду часы, Давид отказывается их носить, потому что (как он говорит) они навязывают числам круговой порядок. Девять часов – перед десятью часами, говорит он, но девять – ни перед, ни после десяти.

К приверженности сеньоры Арройо к числам, воплощенным в танцах, которые она преподавала своим ученикам, Давид добавляет свой идиосинкразический штрих: соотносит числа с определенными звездами на небе.

Он, Симон, не понимает философии чисел (про себя он считает ее не философией, а культом), проповедуемой в Академии: открыто – почившей сеньорой, сдержаннее – вдовцом Арройо и его друзьями-музыкантами. Симон не понимает этой философии, но относится терпимо не только из-за Давида, но и потому, что, когда находит на него подобающий настрой, его, Симона, посещает видение – мимолет-

ное, неуловимое – того, о чем говорила сеньора Арройо: серебристые сферы, их так много, что и не сосчитаешь, они с неземным гулом вращаются друг вокруг дружки в бескрайнем пространстве.

Он танцует, у него видения, но он все равно не считает, что его обратили в культ чисел. Для видений у него есть разумное объяснение, и оно его почти всегда устраивает: убаюкивающий ритм танца, гипнотический напев флейты наводят транс, в котором со дна памяти подтягиваются осколки – они-то и вращаются перед мысленным взором.

Давид не может или не желает заниматься арифметикой. Что еще тревожнее, он не желает читать. Вернее, выучившись читать по «Дон Кихоту», он не выражает интереса к чтению никаких других книг. «Дон Кихота» он знает наизусть – в сокращенной версии для детей, относится к «Дон Кихоту» не как к выдумке, а как к исторической правде. Где-то на белом свете – не на этом, так на том – странствует Дон Кихот верхом на своем скакуне Росинанте, а рядом трусит на осле Санчо.

У него, Симона, с мальчиком споры о «Дон Кихоте». Открылся бы ты другим книгам, говорит он, Симон, – узнал бы, что на свете множество героев помимо Дона, а также героинь, вымышленных из ничего плодовитыми умами писателей. Более того, ты ребенок одаренный, мог бы сам выдумывать героев и отправлять их в большой мир искать приключения.

Давид едва слушает.

– Не хочу я читать другие книги, – говорит он небрежно. – Я уже умею читать.

– У тебя ошибочные представления о том, что такое чтение. Читать – это не просто превращать напечатанные значки в звуки. Читать – это глубже. Читать по-настоящему означает слышать, что книга хочет сказать, и осмысливать это – возможно, даже беседовать с автором у себя в уме. Это означает постигать мир таким, какой он есть, а не таким, каким ты хочешь его видеть.

– Зачем? – спрашивает Давид.

– Зачем? Затем, что ты юн и невежествен. Ты освободишься от невежества, только если откроешься миру. А лучше всего открываться миру, читая то, что есть сказать другим людям – людям менее невежественным, чем ты.

– Я знаю о мире.

– Нет, не знаешь. Ты ничегошеньки не знаешь о мире за пределами твоего ограниченного жизненного опыта. Танцевать и пинать футбольный мяч – занятия сами по себе прекрасные, но они не дают тебе знаний о мире.

– Я читал «Дон Кихота».

– «Дон Кихот», повторяю, – не весь мир. Далеко не весь. «Дон Кихот» – выдумка о спятившем старике. Развлекательная книга, она втягивает тебя в свой вымысел, но вымысел – это не настоящее. Более того, задача этой книги – именно предупредить читателей вроде тебя, чтоб не втягивались

в ненастоящий мир, в мир вымысла, как втянуло Дон Кихота. Ты разве не помнишь, чем заканчивается эта книга? Дон Кихот опомнился и велит своей племяннице сжечь его книги, чтобы в будущем никто не впал в искушение пойти его безумным путем?

– Но она не сжигает его книги.

– Сжигает! Этого, может, и не сказано, однако сжигает! Да ей в радость от них избавиться.

– Но она не сжигает «Дон Кихота».

– «Дон Кихота» она сжечь не может, потому что она внутри «Дон Кихота». Не получится сжечь книгу, если ты сам из нее, если ты – ее персонаж.

– Получится. Но она не сжигает. Потому что, если б сожгла, у меня бы не было «Дон Кихота». Он бы сгорел.

Из таких споров он, Симон, выходит обескураженным, но вместе с тем смутно гордым: обескураженным, потому что не удастся переспорить десятилетку; гордым – потому что десятилетке удастся с такой ловкостью вязать узлы из взрослого человека. *Этот ребенок, может, и ленив, этот ребенок, может, и высокомерен,* говорит Симон себе, *но этот ребенок во всяком случае не бестолков.*

Глава 3

Иногда после ужина мальчик велит им обоим сесть на диван («Иди, Инес! Иди, Симон!») и разыгрывает перед ними то, что сам именует *un espectáculo* – спектакль. В такие минуты они по-семейному наиболее близки друг другу, а мальчик отчетливее всего выказывает свою к ним приязнь.

Песни, которые Давид поет в своих *espectáculos*, – с уроков, что он берет у сеньора Арройо. Многие – сочинения самого Арройо, в них он обращается к кому-то на *tú* – запросто, может быть, к покойной жене. Инес не считает, что эти песни годятся для детей, он, Симон, склонен разделять ее сомнение. Но все равно, размышляет он, то, что эти творения озвучивает такой чистый юный голос, как у Давида, наверняка поддерживает дух Арройо.

– Инес, Симон, хотите послушать таинственную песню? – говорит мальчик вечером после того, как их посетил Фабриканте. И с необычайным пылом и силой возвышает голос и запекает:

In diesem Wetter, in diesem Braus,
nie hätt' ich gesendet das Kind hinaus –
Ja, in diesem Wetter, in diesem Braus,
durft'st Du nicht senden das Kind hinaus!¹

---

¹ В ненастье злое, с грозой и громом
Не выгонял я дитя из дому
Да, в непогоду,

– Это все? – спрашивает Инес. – Очень короткая песня.

– Я пел ее сегодня Хуану Себастьяну. Собирался спеть другую, но, когда открыл рот, получилась она. Вам понятно, про что в ней поется?

Он повторяет песню медленно, тщательно проговаривая неведомые слова.

– Понятия не имею, что это значит. А что сеньор Арройо говорит?

– Он тоже не знает. Но сказал, что бояться не надо. Сказал, если я не пойму в этой жизни, значит, выясню в следующей.

– А ему не кажется, – спрашивает он, Симон, – что эта песня, возможно, не из будущей жизни, а из твоей предыдущей – из той жизни, которая была у тебя, прежде чем ты взошел на борт большого корабля и переплыл океан?

Мальчик молчит. Тут разговор и заканчивается, а с ним – и *espectáculo*. Но на завтра, когда они с Давидом остаются одни, мальчик возвращается к разговору.

– Кто я был, Симон, до того, как переплыл океан? Кто я был до того, как начал говорить по-испански?

– Наверное, ты был тем же человеком, что и теперь, только выглядел иначе, у тебя было другое имя, и говорил ты на

с грозой и громом. Нельзя ребенка погнать из дому! (нем.) Парафраз первых строк песни австрийского композитора Густава Малера (1860–1911) на стихи немецкого поэта, переводчика и преподавателя иностранных языков Фридриха Рюкерта (1788–1866). – *Прим. пер.*

другом языке, но все это смех, когда ты пересек океан, – вместе с твоими воспоминаниями. Тем не менее в ответ на вопрос «Кто я был?» я сказал бы, что в самом сердце своем, в сути, ты был собой – одним-единственным собой. Иначе какой смысл говорить, что *ты* забыл язык, на котором говорил, и так далее. Кто же тогда забыл, если не ты сам – тот сам, кого ты хранишь у себя в сердце? Вот как я это понимаю.

– Но я же не все забыл, да? *In diesem Wetter, in diesem Braus* – это я помню, не помню только, что оно значит.

– Вот именно. Или, может, как предполагает сеньор Арройо, эти слова всплывают у тебя не из прошлой жизни, а из будущей. В этом случае было бы неверно сказать, что эти слова – из *memoria*, из памяти, поскольку помнить можно только то, что из прошлого. Я бы назвал твои слова *profecía* – провидение. Как будто ты вспоминаешь будущее.

– А ты как думаешь, Симон, это откуда – из прошлого или из будущего? Мне кажется, из будущего. Думаю, это из моей следующей жизни. А ты умеешь вспоминать будущее?

– Нет, увы, я совсем ничего не помню – ни из прошлого, ни из будущего. По сравнению с тобой, юный Давид, я очень скучный человек, совсем не исключительный, вернее даже – я противоположен всякой исключительности. Живу в настоящем, как буйвол. Это великий дар – уметь помнить хоть прошлое, хоть будущее, и, я уверен, сеньор Арройо со мной бы согласился. Тебе носить бы при себе блокнот и записывать, когда что-то вспоминаешь, даже если не улавливаешь

смысла.

– Или можно рассказывать тебе, что я вспоминаю, – чтобы *ты* записывал.

– Хорошая мысль. Я мог бы стать твоим *secretario* – человеком, который записывает твои секреты. Сделали бы с тобой такую штуку – на двоих. Не ждать, пока тебе что-то придет в голову – таинственная песня, например, – а выделять несколько минут ежедневно, когда просыпаешься утром или напоследок перед сном, чтобы ты сосредоточивался и пытался вспомнить что-нибудь из прошлого или из будущего. Возьмемся?

Мальчик молчит.

Глава 4

На той же неделе в пятницу Давид без всякого предисловия заявляет:

– Инес, завтра я собираюсь играть в настоящий футбол. Вы с Симоном обязательно приходите смотреть.

– Завтра? Я завтра не могу, мой дорогой. Суббота в магазине день хлопотный.

– Я буду играть в настоящей команде. Я буду номер 9. Мне надо надеть белую фуфайку. Ты обязана вырезать цифру 9 и нашить на спину фуфайки.

Одна за другой проступают подробности новой эпохи – эпохи настоящего футбола. В девять утра приедет фургон и подберет соседских мальчиков. Мальчики должны быть одеты в белые фуфайки с черными номерами на спинах, от одного до одиннадцати. Ровно в десять они под командным названием «Лас Пантерас» выбегут на поле и сыграют с «Лос Альконес» – командой из приюта.

– Кто составлял команду? – спрашивает он.

– Я.

– Ты, значит, капитан, вожак?

– Да.

– А кто назначил тебя капитаном?

– Все мальчики. Они хотят, чтобы я был капитаном. Я раздал им номера.

Наутро фургон из приюта приезжает вовремя, за рулем – неразговорчивый мужчина в синем комбинезоне. Не все мальчишки готовы – приходится послать гонца, чтобы разбудить Карлитоса, он проспал, – и не все облачены в белые фуфайки с черными номерами на спине, как было велено, и уж точно не на всех настоящие футбольные бутсы. Но благодаря швейным навыкам Инес у Давида на фуфайке – изящная «9», и сам он весь до последнего дюйма смотрится капитаном.

Они с Инес провожают его, едут следом на машине: перспектива того, что ее сын поведет команду футболистов на поле, очевидно, важнее дел в магазине.

Приют располагается на другом берегу реки, в той части города, исследовать которую у него, Симона, никогда не находилось причин. Они едут за фургоном по мосту, через промышленный район, затем по узкой разбитой дороге между каким-то складом и лесопилкой и выкатываются на неожиданно приятный участок прибрежной полосы – к комплексу приземистых строений из песчаника в тени деревьев, а при нем – спортивное поле, где болтаются детвора всех возрастов, облаченная в опрятные темно-синие форменные одежды приюта.

Дует пронизывающий ветер. Инес кутается в куртку с высоким воротником; он, Симон, менее предусмотрителен – на нем только свитер.

– Вон доктор Фабриканте, – говорит он, показывая паль-

цем, — человек в черной рубашке и шортах. Похоже, он будет судьей.

Доктор Фабриканте дует в свисток — одна властная нота за другой — и размахивает руками. Орава детей разбегается с поля, две команды выстраиваются у судьи за спиной, сироты — в безупречных темно-синих фуфайках, белых шортах, черных бутсах, мальчики из жилого квартала — в разноперых нарядах и обуви.

Его, Симона, поражает разница между командами. Дети в синем попросту гораздо крупнее. Среди них есть девочка — он узнает ее крепкие бедра и могучий бюст: Мария Пруденсия. Есть и мальчики, которые на вид уже не подростки. Гости по сравнению с ними выглядят плюгаво.

С самого начала игры юные *panteras* сдают назад, не желая связываться со своими более громоздкими противниками. Команда в синем немедленно прорывается вперед и забивает первый гол, а вскоре и второй.

Досадуя, он поворачивается к Инес.

— Это не футбол, это избиение младенцев!

Мяч падает у ног одного мальчика из команды Давида. Тот отчаянно пинает мяч вперед. Двое из их же команды бросаются следом, но мяч отнимает Мария Пруденсия, вышагает над ним — бросает вызов, пусть попробуют забрать. Мальчики замирают. Она презрительно пасует его вбок, кому-то из своей команды.

Тактика сирот проста, но действенна: отодвигая против-

ников с дороги, они методично гонят мяч по полю, пока не протолкнут его мимо несчастного вратаря. Когда доктор Фабриканте объявляет свистком перерыв перед вторым таймом, счет 10:0. Дрожа на холодном ветру, дети из многоквартирного сбиваются в кучу и ждут возобновления бойни.

Доктор Фабриканте запускает игру вновь. Мяч отлетает от кого-то и катится к Давиду. С мячом в ногах он скользит, словно призрак, мимо первого противника, второго, третьего и загоняет гол.

Через минуту мяч снова пинают ему. Он с легкостью обходит защитников, но тут, вместо того чтобы ударить по воротам, он передает мяч напарнику по команде и смотрит, как тот навешивает его поверх перекладины.

Игра подходит к концу. Мальчики из многоквартирного уныло трусят прочь с поля, победителей же окружает ликующая толпа.

Доктор Фабриканте шагает к ним.

– Надеюсь, вам понравилась игра. Немножко неравновесно получилось – приношу свои извинения за это. Но для наших детей важно утвердиться во внешнем мире. Важно для их самооценки.

– Наши мальчики – не то чтобы внешний мир, – отзывается он, Симон. – Это просто дети, которым нравится пинать мячик. Если вы вправду хотите испытать свою команду – играли бы с противником посильнее. Ты согласна, Инес?

Инес кивает.

Он, Симон, рассержен так, что его даже не заботит, обидится доктор Фабриканте или нет. Но нет – Фабриканте отмахивается от этой отповеди.

– Не все сводится к проигрышу или выигрышу, – говорит он. – Важно, что дети участвуют, стараются, изо всех сил показывают, на что они способны. Однако в некоторых случаях победа становится значимым фактором. Наш случай как раз такой. Почему? Потому что наши дети начинают в невыгодном положении. Им необходимо доказать себе самим, что они способны соперничать с внешними людьми – соперничать и брать верх. Наверняка же вы это понимаете.

Он, Симон, нисколько не понимает, но влезать в спор у него нет никакого желания. Доктор Фабриканте, *educador*, совсем не обаял его, и он, Симон, надеется никогда больше его не видеть.

– Я насквозь промерз, – говорит он, – и, уверен, дети тоже. Куда девался водитель?

– Вот-вот придет, – говорит доктор Фабриканте. Умолкает, затем обращается к Инес: – Сеньора, можно потолковать с вами наедине?

Он, Симон, удаляется. Дети из приюта завладели полем и заняты своими разнообразными играми, на поверженных гостей внимания не обращают, а те жалко ждут, когда придет фургон и отвезет их домой.

Фургон приезжает, «Лас Пантерас» забираются внутрь. Уже собираются отъехать, и тут Инес решительно стучит в

окно:

– Давид, ты поедешь с нами.

Давид неохотно вылезает из фургона.

– Мне нельзя поехать с остальными? – спрашивает он.

– Нет, – угрюмо отвечает Инес.

На обратном пути, в машине, обнаруживается причина ее дурного настроения.

– Это правда, – спрашивает она, – что ты сказал доктору Фабриканте, будто хочешь уйти из дома и поселиться в приюте?

– Да.

– Почему ты так сказал?

– Потому что я сирота. Потому что вы с Симоном ненастоящие мои родители.

– Ты так ему и сказал?

– Да.

Встревает он, Симон.

– Не втягивайся, Инес. Никто не воспримет истории Давида всерьез – и уж точно не человек, содержащий приют.

– Я хочу играть в их команде, – говорит мальчик.

– Ты собираешься уйти из дома ради футбола? Чтобы играть в футбол за приют? Потому что стыдишься своей команды, своих друзей? Ты это хочешь нам сказать?

– Доктор Хулио говорит, что мне можно играть за их команду. Но для этого надо быть сиротой. Такое правило.

– И ты, значит: «Ладно, я отрекусь от своих родителей и

объявлю себя сиротой», – ради футбола?

– Нет, я такого не говорил. Я сказал: «Почему такое правило?» А он ответил: «Потому что».

– Так и сказал – «потому что»?

– Он сказал, что, если б не было правила, все бы хотели играть за их команду, потому что они очень хорошо играют.

– Они не хорошо играют, они просто большие и сильные. Что еще сказал доктор Фабриканте?

– Я сказал, что я – исключение. А он сказал, что если все – исключение, тогда правила недействительны. Он сказал, что жизнь – как игра в футбол: нужно следовать правилам. Он – как вы. Ничего не понимает.

– Что ж, если доктор Фабриканте ничего не понимает, а его команда – всего лишь банда забияк, зачем тебе жить в его приюте? Только для того, чтобы играть за футбольную команду, которая выигрывает?

– А что плохого в выигрыше?

– Ничего плохого в выигрыше нет. Как нет ничего плохого и в проигрыше. Более того, обычно, я бы сказал, лучше оказаться среди проигравших, чем среди тех, кто желает выигрывать любой ценой.

– Я хочу выигрывать. Хочу выигрывать любой ценой.

– Ты ребенок. У тебя жизненный опыт ограничен. Ты не имел возможности увидеть, что происходит с людьми, которые пытаются выиграть любой ценой. Они превращаются в забияк и самодуров – почти все.

– Это несправедливо! Когда я говорю такое, что тебе не нравится, ты отвечаешь, что я ребенок, а значит, то, что я говорю, не считается. Считается, только если я с тобой соглашаюсь. Почему я должен все время с тобой соглашаться? Я не хочу разговаривать, как ты, и я не хочу быть таким, как ты! Я хочу быть тем, кем я хочу быть!

Что кроется за этим выплеском? Что Фабриканте наговорил мальчику? Он, Симон, пытается перехватить взгляд Инес, но та упорно смотрит на дорогу.

– Мы все еще ждем, когда ты расскажешь, – говорит он, – почему, если не считать футбола, ты хочешь уйти в приют?

– Ты меня никогда не слушаешь, – говорит мальчик. – Ты не слушаешь, вот и не понимаешь. Нет никакого «почему».

– То есть доктор Фабриканте ничего не понимает, и я ничего не понимаю и нет никакого «почему». Кто же, помимо тебя, понимает? Инес понимает? Ты понимаешь, Инес?

Инес не отвечает. На выручку ему она не придет.

– По моему мнению, молодой человек, это как раз ты не понимаешь, – напирает он. – Ты до сих пор жил очень легкой жизнью. Мы с твоей матерью потакаем тебе так, как не потакают ни одному нормальному ребенку, потому что признаем, что ты исключительный. Но я начинаю задумываться, понимаешь ли ты сам, что значит быть исключительным. Вопреки твоим предположениям это не означает, что ты волен вести себя как нравится. Это не означает, что тебе можно пренебрегать правилами. Ты любишь играть в футбол, но,

если пренебрежешь правилами футбола, судья отправит тебя вон с поля – и поделом. Никто не превыше закона. Нет такого понятия, как исключение из всех правил. Исключение без исключений – противоречие в понятиях. Оно лишено смысла.

– Я рассказал доктору Хулио о вас с Инес. Он знает, что мне вы не настоящие родители.

– Не важно, что ты там сказал доктору Хулио. Доктор Хулио не может забрать тебя у нас. У него нет такой власти.

– Он говорит, что, если люди делают со мной что-то плохое, он может предоставить мне прибежище. Плохое – это исключение. Если люди делают тебе что-то плохое, ты можешь найти прибежище в приюте независимо от того, кто ты.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Инес, впервые заговаривая. – Кто тебе делает что-то плохое?

– Доктор Хулио говорит, что его приют – остров прибежища. Любой, кто стал жертвой, может прийти туда, и доктор Хулио его защитит.

– Кто делает тебе что-то плохое? – не отступает Инес. Мальчик молчит.

Инес жмет на тормоза, останавливается на обочине.

– Отвечай, Давид, – говорит она. – Ты сказал доктору Хулио, что мы тебе делаем что-то плохое?

– Я не обязан говорить. Если ты ребенок, ты не обязан говорить.

Заговаривает он, Симон.

– Я запутался. Ты говорил или не говорил доктору Хулио, что мы с Инес делаем тебе что-то плохое?

– Я не обязан говорить.

– Не понимаю. Ты не обязан говорить мне или ты не обязан говорить доктору Хулио?

– Я не обязан говорить никому. Я могу прийти в приют, и мне дадут прибежище. Я не обязан говорить почему. Такая у доктора Хулио философия. Нет никакого «почему».

– Философия! Ты знаешь, что эти слова означают – *cosas malas*, «что-то плохое», какие последствия влекут за собой, – или ты просто подбираешь их, как камни, и кидаешься ими, чтобы другим было больно?

– Тут незачем говорить. Ты сам все знаешь.

Вновь встречается Инес.

– Что Симон сам знает, Давид? Симон тебе что-то делал?

Ему словно отвесили оплеуху. Вдруг между ним и Инес разверзается пропасть.

– Разворачивай машину, Инес, – говорит он. – Нам необходимо прижать этого человека к стенке. Нельзя позволять ему лить яд ребенку в уши.

Инес говорит:

– Отвечай мне, Давид. Это серьезно. Делал тебе Симон что-то?

– Нет.

– Нет? Он тебе ничего не делал? Тогда почему ты выдвигаешь такие обвинения?

– Я не буду объяснять. Ребенок не обязан объяснять. Вы хотите, чтобы я следовал правилам. Вот такое правило.

– Если Симон выйдет из машины, ты мне скажешь?

Мальчик не отвечает. Он, Симон, выходит из машины. Они доехали до моста, соединяющего юго-восточный квартал города с юго-западным. Опирается на парапет над рекой. Одинокая цапля, устроившаяся на камне внизу, не обращает на него, Симона, внимания. Ну и утро! Сперва эта пародия на футбольный матч, а теперь эти безрассудные, сокрушительные обвинения от ребенка. *Тут незачем говорить, что ты делал. Ты сам знаешь.* Что он делал? Он ни разу не коснулся этого ребенка нечистым пальцем, ни единой нечистой мысли в голове не имел.

Он стучит в машину. Инес опускает стекло.

– Давай вернемся в приют? – говорит он. – Мне надо поговорить с этим гнусным человеком.

– У нас с Давидом тут разговорчик, – отвечает Инес. – Я тебе сообщу, когда мы закончим.

Цапля улетела. Он спускается к урезу воды, склоняет колени, пьет.

Тут сверху, с моста, машет рукой и кричит Давид:

– Симон! Ты что делаешь?

– Пью воду. – Вздвигается обратно. – Давид, – говорит он, – ты же наверняка понимаешь, что это неправда. Как ты вообще можешь допустить, что я способен хоть как-то тебе навредить?

– Чтобы что-то было правдой, необязательно, чтоб оно было правдой. Ты утвердишь одно и то же: *это правда? Это правда?* Поэтому тебе и не нравится Дон Кихот. Ты считаешь, что это неправда.

– Мне нравится Дон Кихот. Он мне нравится, пусть даже он – неправда. Мне он просто нравится не в точности так же, как тебе. Но какое отношение имеет Дон Кихот ко всему этому – ко всей этой дребедени?

Мальчик не отвечает, но бросает на него веселый наглый взгляд.

Он, Симон, возвращается в машину и обращается к Инес изо всех сил спокойно:

– Прежде чем ты сделаешь что-нибудь опрометчивое, осмысли то, что услышала. Давид говорит, что, поскольку он ребенок, ему незачем следовать тем же стандартам правдивости, какие есть у других. Поэтому он волен выдумывать – обо мне, о ком угодно на свете. Подумай об этом. Подумай об этом и остерегись. Завтра он выдумает что-нибудь про тебя.

Инес смотрит прямо перед собой.

– Что ты хочешь от меня? – спрашивает она. – Я потратила целое утро на футбольном матче. У меня есть дела в магазине. Давиду нужна горячая ванна, его надо переодеть в чистое. Если хочешь, чтобы я отвезла тебя в приют и ты похвистался с доктором Фабриканте, – так и скажи. Но в этом случае домой тебе придется возвращаться самостоятельно.

Ждать я не буду. Говори, чего ты хочешь.

Он осмысляет.

– Поехали домой, – говорит он. – Навещу доктора Фабриканте в понедельник.

Глава 5

В понедельник он первым делом звонит в приют и назначает встречу с директором. Поскольку машину заняла Инес, ему приходится ехать на громоздком служебном велосипеде, занимает это почти час, а затем прохладиться в приемной у Фабриканте под взорами устрашающей секретарши-вахтерши.

Наконец его приглашают в кабинет директора. Фабриканте жмет ему руку, предлагает стул. В солнечном свете, льющемся в окно, проступают гусиные лапки морщин у глаз Фабриканте; волосы, гладко зачесанные назад, до того беспросветно черны, что запросто могут быть крашеными. Тем не менее сам он поджар и излучает ощутимую энергию.

– Спасибо, что побывали на игре, – начинает он. – Наши дети не привыкли к зрителям. По сути, все сложилось так, что у них нет семей, которые бы за них болели. А теперь вы, несомненно, хотели бы знать, как получается, что юный Давид желает к нам присоединиться.

– На самом деле, сеньор Хулио, – отзывается он, держа себя в руках, – я здесь не только поэтому. Я здесь для того, чтобы разобраться с обвинением, выдвинутым лично мне, – обвинением, к которому вы наверняка приложили руку. Вы обязаны понимать, что я имею в виду.

Доктор Фабриканте откидывается, складывает руки под

подбородком.

– Простите, что дошло до такого, сеньор Симон. Но Давид – не первый ребенок, прибегающий к моей защите, а вы – не первый взрослый мужчина, с которым мне приходится иметь дело в моей роли заступника. Давайте же, выкладывайте.

– Когда вы появились в парке на днях, вы сделали вид, будто смотрите игру. По правде же вы искали новобранцев в этот ваш приют. Вы искали впечатлительных детей вроде Давида, кого легко втянуть в романтику сиротства.

– Это вздор. И нет в сиротстве никакой романтики. Вовсе никакой. Но продолжайте.

– Под романтикой я подразумеваю то – и некоторых детей это зачаровывает, – что их родители ненастоящие родители им, что их истинные родители цари и царицы, или цыгане, или цирковые акробаты. Вы выискиваете уязвимых детей и скармливаете им подобные истории. Вы говорите им, что, если они отрекутся от своих родителей и сбегут из дома, вы их примете. Зачем? Зачем распространять подобные ранящие враки? Давида никогда не обижали. Он и слова-то такого не знал, пока не появились вы.

– Чтобы пострадать от увечья, слово знать не обязательно, – говорит доктор Фабрикante. – Можно умереть, не зная имени того, что вас убило. Грудная жаба. Белладонна.

Он, Симон, встает.

– Я пришел сюда не дискуссии ради. Я пришел сказать вам, что Давида вы у нас не заберете. Я буду бороться с вами

на каждом шагу – и мать мальчика тоже.

Доктор Фабриканте тоже встает.

– Сеньор Симон, вы не первый человек, кто приходит сюда и угрожает мне, – и не последний. Но есть определенные обязательства, возложенные на меня обществом, и первое из них – предоставлять прибежище детям, обиженным и заброшенным. Вы говорите, что станете бороться, чтобы удержать Давида. Но – поправьте меня, если я неправ, – вы не природный отец Давида, а ваша жена – не природная мать ему. В таком случае ваше положение в глазах закона шатко. Засим умолкаю.

После гибели три года назад Аны Магдалены, второй жены сеньора Арройо, и последовавшего скандала Академия претерпела тяжелые времена. Половину учеников забрали родители, персоналу стало не из чего платить. Он, Симон, оказался среди той горстки благорасположенных, кто поддержал сеньора Арройо, пока тот сражался за спасение своего корабля.

Если верить сплетням, какие доходят до него через Инес и ее сотрудниц в «Модас Модернас», Академия сумела пережить бурю и в новом формате школы музыки даже начала процветать. Ученическое ядро, в основном из провинциальных городов, живет на территории школы и обучается там. Но в основном ученики Академии – из государственных школ Эстреллы, они посещают только занятия музыкой.

Музыкальную теорию и композицию преподает сам Арройо, на уроки вокала и различных инструментов приглашает профильных учителей. Занятия танцами есть по-прежнему, однако танец теперь уже – не ключевая миссия Академии.

К музыкальному дару Арройо у него, Симона, глубочайшее уважение. Если Арройо мало ценят в Эстрелле, это потому, что Эстрелла – сонный провинциальный город со скудной культурной жизнью. Арройоскую же философию музыки с опорой на возвышенную математику и отношением к музыке, созданной человеческими руками, как – в лучшем случае – к призрачному отзвуку музыки сфер, он, Симон, так и не смог постичь. Но это по крайней мере связная философия, и Давид от нее никак не пострадал.

От доктора Фабриканте и его приюта он отправляется напрямик в Академию, в покои Арройо. Арройо принимает его с привычной учтивостью, предлагает кофе.

– Хуан Себастьян, буду краток, – говорит он. – Давид уведомляет нас, что желает покинуть дом. Он решил, что ему место среди сирот мира сего – слово *huérfano* ему всегда нравилось. В этой романтической чепухе его поддерживает некий доктор Хулио Фабриканте, именующий себя просветителем и содержащий приют на восточном краю города. Вы, случайно, не знакомы с ним?

– Я о нем слышал. Он поборник практического образования, враг книжного обучения, он его открыто осуждает. У него в приюте есть школа, детей там учат начаткам чтения,

письма и арифметики, после чего растят из них плотников, слесарей или булочников – в таком вот духе. Что еще? Он силен в дисциплине, воспитании характера, в командных видах спорта. В приюте есть хор, занимающий призовые места на конкурсах. У самого Фабрикante имеются приверженцы в городском совете. Они считают его человеком перспективным, человеком будущего. Но сам я с ним не знаком.

– В общем, доктор Фабрикante залучил Давида, пообещав ему место в приютской футбольной команде. Перехожу к сути дела. Если Давид уйдет из дома и поселится в приюте у Фабрикante, ему придется оставить занятия в Академии. Слишком далеко ездить туда-обратно каждый день, и вряд ли Фабрикante ему позволит.

Арройо вскидывает руку, останавливая его.

– Прежде чем вы продолжите, Симон, разрешите признаться. Я хорошо осведомлен о тяге вашего сына к сиротству. Более того, он, хоть и не напрямую, попросил меня поговорить с вами об этом. Он утверждает, что вы не способны или не желаете понимать.

– Я добровольно признаюсь в проступке непонимания. Помимо тяги к сиротству многое из того, что связано с Давидом, мне невнятно. Для начала невнятно мне, почему ребенка, столь трудного для понимания, доверили опекуну со столь слабыми способностями к пониманию. Я говорю о себе, но позвольте сразу же добавить, что Инес сбита с толку не меньше моего. Давиду было бы лучше, останься он со

своими природными родителями. Но у него нет природных родителей. У него есть только мы, уж какие есть ущербные: назначенные родители.

– Вы считаете, что его природные родители поняли бы его лучше?

– По крайней мере, они были б из той же материи, что и он, одной с ним крови. Мы с Инес – обычные люди, из самой своей глубины мы полагаемся на узы любви, тогда как одной любви, очевидно, недостаточно.

– То есть, будь вы с Давидом одной крови, вам бы оказалось проще понять, почему он хочет уйти из дома и жить среди сирот на восточном краю города, – вы это хотите сказать?

Арройо потешается над ним, что ли?

– Я полностью осознаю, – сухо отвечает он, Симон, – что требовать от ребенка взаимной любви к родителю несправедливо. Осознаю я и то, что для ребенка по мере его взросления лоно семьи может со временем показаться удушающим. Но Давиду десять лет. Для десятилетки желание покинуть дом необычно. Возраст и юный, и уязвимый. Мне не нравится доктор Фабриканте. Я ему не доверяю. Он нашептал Давиду на меня нечто такое, что я не могу заставить себя повторить. Я не считаю, что для нравственного развития ребенка это подходящий человек. Не считаю я, и что приютские дети станут Давиду хорошими товарищами. Я видел, как они играют в футбол. Они забияки. Они выигрывают,

запугивая противника. Те, что помладше, обезьянничают со старших, и доктор Фабрикante никак их не одергивает.

– То есть вы не доверяете доктору Фабрикante и опасаетесь, что его сироты превратят Давида в забияку и дикаря. Но задумайтесь: а что, если произойдет обратное? Что, если Давид укротит дикарей Фабрикante, превратит их в образцовых граждан – обходительных, учтивых, послушных?

– Не смейтесь надо мной, Хуан Себастьян. Там пятнадцатилетние и шестнадцатилетние дети, мальчики и девочки, а может, и постарше. Не будут они слушаться десятилетку. Они будут им помыкать. Испортят его.

– Ну, вы знаете этот приют лучше, чем я, – сам-то я там ни разу не был. Похоже, тут мой предел полезности вам, Симон. Посоветовать могу только одно: сядьте с Давидом, обсудите обстоятельства, в которых оказались, не исключая и собственного положения – покинутого отца, преисполненного печали, растерянности, а возможно, и гнева.

Он встает, но Арройо останавливает его.

– Симон, позвольте мне сказать еще одно, последнее слово. У вашего сына есть чувство долга, обязательства, что для десятилетки необычно. Отчасти и это делает его исключительным. Его резон, почему он хочет жить в приюте, – не из романтического представления о сиротстве. В этом смысле вы заблуждаетесь. По некой причине – а возможно, без всякой причины – он чувствует себя в долгу перед сиротами Фабрикante, перед сиротами вообще, сиротами этого мира.

Ну или во всяком случае он так говорит мне, и я ему верю.

- Он вам это говорит. Почему же он не говорит этого мне?
- Потому что, справедливо или нет, он считает, что вы не поймете. Не посочувствуете.

Глава 6

Приходит время ужина, а от Давида ни слуху ни духу. Он, Симон, собирается идти искать заблудшую овечку, но та вдруг появляется. Ботинки облеплены грязью, грязь на одежде, рубашка порвана.

– Что случилось? – спрашивает Инес. – Мы все изволновались.

– У меня велосипед сломался, – говорит мальчик. – Пришлось идти пешком.

– Прими ванну и надень пижаму, а я пока разогрею тебе ужин в духовке.

За ужином они пытаются вытянуть из него еще что-нибудь. Но мальчик жадно ест, отказывается говорить, а затем уходит к себе в комнату и захлопывает дверь.

– Что ему так испортило настроение? – вполголоса спрашивает он, Симон, у Инес.

Та пожимает плечами.

Наутро он заглядывает в сарай – осмотреть поломанный велосипед, но велосипеда там нет. Он стучит в дверь к Инес.

– Давидов велосипед пропал, – говорит он.

– Его одежда пахнет сигаретным дымом, – говорит Инес. – Ему десять лет, а он курит. Мне это все несколько не нравится. Сейчас мне пора. Когда он проснется, я хочу, чтоб ты с ним побеседовал.

Он осторожно открывает дверь в комнату мальчика. Распластавшись на кровати, мальчик спит мертвым сном. В волосах заpekлась глина, под ногтями грязь. Он, Симон, берет мальчика за плечи, легонько трясет его.

– Пора вставать, – шепчет он. Мальчик бормочет сквозь сон, отворачивается.

Он, Симон, обнюхивает брошенную в ванной одежду. Инес права: одежда смердит дымом.

Переваливает за десять, когда мальчик появляется из комнаты, трет глаза.

– Ты можешь объяснить, что вчера произошло? – спрашивает он, Симон. – Начни с того, где твой велосипед.

– Колесо погнулось, я не смог на нем ехать.

– Где велосипед?

– В приюте.

Так, шаг за шагом, история обретает очертания. Давид поехал в приют поиграть в футбол. В приюте кто-то из старших мальчиков конфисковал велосипед и, заехав в канаву, сломал переднее колесо. Давид бросил велосипед и впотьмах пошел домой пешком.

– Ты поехал играть в футбол, кто-то сломал тебе велосипед, и ты возвращался домой пешком. Это всё? Давид, ты никогда нам не врал. Прошу тебя, и не начинай. Ты курил. Мы с Инес уловили запах от твоей одежды.

Возникают новые подробности. После футбола дети из приюта развели костер и жарили на нем выловленных в реке

лягушек и рыбу. Старшие – и мальчики и девочки – курили сигареты и пили вино. Он, Давид, не курил и не пил. Вино ему не понравилось.

– Ты считаешь, это хорошо, если десятилетний ребенок общается с мальчиками и девочками гораздо старше себя, которые курят, пьют и невесть чем еще занимаются?

– Чем это невесть чем они занимаются?

– Не важно. Твои здешние друзья, соседские, тебя не устраивают? Зачем тебе в приют?

До этого вопроса Давид отвечает вполне послушно. Но тут взбрыкивает.

– Ты ненавидишь сирот! Ты считаешь, что они плохие! Ты хочешь, чтобы я был таким, какой я *по-твоему*, ты не хочешь, чтобы я был таким, какой я есть *по-моему*.

– И кто же ты есть по-твоему?

– Я тот, кто я есть!

– Ты тот, кто ты есть, пока мальчик постарше не забирает у тебя велосипед. И тогда ты просто беззащитный десятилетка. Я никогда не говорил, что дети из приюта плохие. Нет такого понятия, как плохой ребенок. Дети все равны – более-менее. Во всем, кроме возраста. Десятилетний мальчик не равен шестнадцатилетнему из приюта, где правила настолько вольные, что дети невозбранно курят и пьют.

– Невозбранно – это как?

– Им никто не запрещает. Им не запрещает доктор Хулио.

– Ты ненавидишь доктора Хулио.

– Я не ненавижу доктора Хулио, однако он мне и не нравится. Мне он кажется высокомерным и чванным. И я не считаю его хорошим просветителем. По-моему, у него есть свои причины, почему он хочет втянуть тебя к себе в приют, – причины, которые тебе не видны, потому что у тебя в этом мире слишком мало опыта.

– Тебе не нравился Дмитрий, и ты не любишь доктора Хулио! Тебе не нравится никто, у кого большое сердце!

Дмитрий! Он думал, что мальчик забыл Дмитрия, это чудовище, – Дмитрий задушил сеньору Арройо, был объявлен сумасшедшим и с тех пор сидит под замком.

– Не было у Дмитрия большого сердца, Давид, – нисколько. Дмитрий был насквозь скверный человек с чернейшим сердцем. Что же касается доктора Хулио, то для меня совершеннейшая загадка, по какой причине ты к нему тянешься.

– У меня нет причин, и я не тянусь к доктору Хулио. У меня ни для чего нет причин. Это ты человек с причинами.

Он встает из-за стола. Ох уж до чего нередко происходит у них этот спор – у них с мальчиком. Его, Симона, воротит от этого.

– Мы с твоей матерью решили, что ты больше не будешь посещать приют доктора Фабриканте. Вот тебе и весь сказ.

Когда Инес возвращается домой, он отчитывается перед ней.

– Я побеседовал с Давидом. Он говорит, что был со старшими детьми и курили как раз дети. Сам он не курил. Я ему

верю. Но сказал ему, что больше никаких посещений приюта.

Инес рассеянно качает головой.

— Ему надо было с самого начала идти в нормальную школу. Тогда никаких дел с приютом и не возникло бы.

Нормальная школа, в которую надо было отдать Давида: еще один спор, в котором он, Симон, участвовал столько раз, что сбился со счета. Они с Инес пятый год вместе — достаточно долго, уже успеешь надоесть друг другу. Будь у него выбор, Инес не стала бы его женщиной, и сам он — не из тех, кого бы выбрала Инес, если б интересовалась мужчинами. Но она в некотором смысле мальчику мать, в таком же некотором смысле он мальчику отец, а значит, они с Инес в некотором смысле не могут расстаться.

Мальчик же юн и непоседлив. Немудрено, что в обыденности квартала ему нейдет, вряд ли удивительно, что он готов покинуть дом, покинуть родителей и погрузиться с головой в экзотическую новую жизнь сироты.

Как им с Инес вести себя: запретить всякие связи с приютом или отпустить мальчика на все четыре стороны — пусть вылетает из гнезда, ищет приключений — в надежде, что он рано или поздно вернется разочарованный? Он, Симон, склонен ко второму варианту, но удастся ли уговорить Инес отпустить сына?

Его будит настойчивый стук в дверь. Время половина

седьмого, солнце еще не встало.

Это мужчина в синем комбинезоне, водитель из приюта.

– Доброе утро, я приехал забрать паренька.

– Давида? Вы приехали забрать Давида?

С лестницы доносится грохот, и появляется сам Давид, за спиной рюкзак, волочет за собой здоровенную сумку Инес, с которой она ходит за продуктами.

– Что происходит? – спрашивает он, Симон.

– Я уезжаю в приют.

Появляется Инес в ночной сорочке, волосы растрепаны.

– Зачем здесь этот человек? – спрашивает она.

– Я уезжаю в приют, – повторяет мальчик.

– Ничего подобного!

Она пытается отнять у него сумку, он тянет на себя.

– Отстань от меня, не трогай меня! – кричит он. – Ты мне не мать!

Он, Симон, обращается к водителю:

– Вам лучше уехать. Тут какое-то недоразумение. Давид в приют не поедет.

– Поеду! – орет мальчик. – Ты мне не отец! Ты не можешь мне приказывать!

– Уезжайте! – повторяет он, Симон, водителю. – Мы разберемся с этим сами.

Водитель пожимает плечами и уходит.

– А теперь пойдем наверх и спокойно все обсудим, – говорит он, Симон.

Мальчик с каменным лицом отдает сумку. Они втроем поднимаются по лестнице в квартиру Инес, где мальчик удаляется к себе в комнату и захлопывает за собой дверь.

Инес вытряхивает содержимое сумки на пол: одежда, обувь, «Дон Кихот», две пачки печенья, банка персиков и консервный нож.

– Что будем делать? – спрашивает он. – Мы не можем держать его в плену.

– Ты на чьей стороне? – спрашивает Инес.

– Я на твоей стороне. Мы с тобой заодно.

– Тогда ищи решение.

Мы не можем держать его в плену. Тем не менее Инес отправляется на работу, а он усаживается на диван, стережет.

Закрывает глаза. Когда открывает их, дверь в комнату мальчика открыта, а мальчика нет.

Он звонит Инес.

– Я заснул, и Давид сбежал, – говорит он. – Как ни жаль.

– Ты дал ему сбежать и тебе жаль? Ты вечно сожалеешь. Жалкий ты человек. Сожалеть недостаточно, Симон. Верни его.

– Не собираюсь я этого делать, Инес. Без толку. Он все решил. Пусть попробует, каково это – жить в приюте. Когда усвоит урок, сам вернется.

Долгое молчание.

– Сам виноват, от начала и до конца, – говорит наконец Инес. – Ты привадил этого человека, Фабриканте. Сам ока-

зался слишком слаб и не отстоял ребенка, сам вечно потакаешь ему и балуешь его. Если откажешься его вернуть и заниматься этим придется мне, между нами все кончено. Ты меня понял?

– Я понимаю, что ты говоришь. Понимаю, что ты расстроена. Но я не согласен с тобой насчет Давида. Думаю, в этом случае нам следует его отпустить.

– Тогда это на твоей совести.

Глава 7

Наступает суббота, и он отправляется на велосипеде в приют – к началу футбольного матча. Но территория приюта безлюдна.

В комнате отдыха он обнаруживает трех девочек – они играют в настольный теннис.

– Футбола сегодня не будет? – спрашивает он.

– Они играют на выезде, – отвечает одна.

– Вы не знаете где?

Она качает головой.

– Нам футбол не нравится.

– Вы знаете мальчика по имени Давид? Он в приюте недавно.

Девочки переглядываются, хихикают.

– Да, знаем.

– Я оставлю записку – если можно, передайте ему, когда он вернется. Сможете?

– Да.

На клочке бумаги он пишет: *Я заехал сегодня, надеясь посмотреть на твою команду в действии, но безуспешно. Попробую еще раз в следующую субботу. Сообщи, пожалуйста, не нужно ли тебе что-нибудь из дома. Инес передает тебе приветы от всего сердца. Боливар по тебе скучает. Любящий тебя Симон.*

Действительно ли Инес шлет приветы от всего сердца, он не знает. С тех пор как мальчик ушел, она неизменно в холодной ярости и отказывается разговаривать.

Дни идут медленно. Он много танцует один у себя в квартире. Это возвышает его до приятного состояния без всяких мыслей, а когда он устает, у него получается уснуть. *Полезно для сердца, полезно душе*, – говорит он себе, проваливаясь во тьму. – *Уж точно лучше, чем пить*.

Вечера, порожные вечера – вот что хуже всего. Он выводит собаку на прогулку, но обходит стороной футбольные игры в парке и уклоняется от пытливых вопросов мальчиков (*Что случилось с Давидом? Когда он вернется?*). Боливар делается слишком стар и гулять подолгу не может, а потому они сидят, устроившись в маленьком саду камней за углом, дремлют, убивают время.

Теперь, когда нет Давида, – размышляет он, – *нашу маленькую семью только Боливар и удерживает вместе. Вот во что мы с Инес превратились – в родителей пожилого пса?*

Наступает суббота. Он вновь отправляется на велосипеде в приют. Футбольный матч уже начался. Сироты играют против команды в черно-белых полосатых фуфайках, та команда очевидно умелее и тренированнее, чем ватага несмышленишей из многоквартирника. Он, Симон, вливается в группу взрослых, наблюдающих из-за боковых линий, и тут трое черно-белых выполняют ловкую перепасовку, защитники остаются не у дел и едва не случается гол.

Давид играет на дальнем фланге – он здорово смотрится в синей фуфайке с номером «9» на спине.

– С кем играем? – спрашивает он, Симон, у молодого человека рядом.

Молодой человек смотрит на него странно.

– С «Лос Альконес», командой из приюта.

– А счет какой?

– Никакого пока.

Черно-белые мастерски владеют мячом. Приютских детей то и дело обходят и оставляют с носом. Происходит гадкий случай: кого-то из черно-белых сбивают с ног, он падает плашмя. Доктор Фабриканте, судья матча, сурово отчитывает обидчика.

Незадолго до перерыва между таймами черно-белый форвард выманивает вратаря, а затем ловко забивает гол поверх вратарской головы.

На перерыве доктор Фабриканте собирает сирот посередине поля и со всей очевидностью наставляет их, какой стратегии придерживаться во втором тайме. Ему, Симону, кажется странным, что судья выступает в роли тренера одной из команд, но остальные вокруг вроде бы не обращают внимания.

Во втором тайме Давид играет на той стороне поля, где стоит Симон. Ему отчетливо видно, что происходит, когда один-единственный раз мяч оказывается у мальчика, а вокруг свободно. С легкостью он летит мимо одного защитни-

ка, мимо второго. Но затем, когда путь к голу открыт, он спотыкается о собственные ноги и падает ничком. Среди зрителей пробегают рябь хохотков.

Игра завершается победой черно-белых. «Лос Альконес» понуро бредут с поля.

Он, Симон, догоняет Давида, когда тот едва не ныряет в раздевалку.

– Хорошо сыграл, мой мальчик, – говорит он. – Не хочешь ли что-нибудь передать матери? Она, понимаешь, расстроена, что ты не возвращаешься домой.

Давид поворачивается к нему с улыбкой, которую можно назвать только доброй.

– Спасибо, что пришел, Симон, но больше тебе сюда нельзя. Ты обязан дать мне делать то, что я должен.

Глава 8

В приюте его больше всего изумляет школа. Зачем доктор Фабриканте держит отдельную школу, когда запросто мог бы отправлять своих подопечных учиться в обычные? В приюте не больше двухсот детей. Нет смысла и привлекать учителей вести уроки, если учеников так мало, некоторым всего пять лет, а некоторые почти доросли до самостоятельной жизни, – то есть нет смысла, если Фабриканте не желает своим сиротам образования, радикально отличного от того, какое предлагают государственные школы. Арройо назвал Фабриканте противником книжного обучения. А если он окажется и противником «Дон Кихота»? Согласится ли Давид на подготовку к жизни без приключений – к жизни сантехника?

Без всяких вестей из приюта проходят недели. Наконец, доведенная до отчаяния его бездействием, Инес стучит в дверь.

– Все это слишком затянулось, – объявляет она. – Я еду в приют за Давидом. Ты со мной или против меня?

– С тобой, как всегда, – отвечает он.

– Тогда поехали.

Подсказать им некому, и школьные классы они ищут довольно долго, а расположены они – как в конце концов выясняется – в отдельно стоящем здании, вдоль длинного прохода под открытым небом. В каком классе занимается Да-

вид? Он, Симон, стучит в первую попавшуюся дверь, входит. Учительница, молодая женщина, умолкает на полуслове и вперяется в них.

– Да? – произносит она.

Среди опрятно и тихо сидящих детей Давида нет.

– Приношу извинения, – говорит он. – Ошибся дверью.

Они стучат во вторую дверь, входят вроде бы в мастерскую – здесь длинные лавки вместо парт, а по стенам развешаны инструменты для работы по дереву. Дети – сплошь мальчишки – отрываются от своих заданий и глядят на вторгшихся посторонних. Вперед выступает человек в комбине-зоне – очевидно, учитель.

– Позвольте узнать, вы по какому делу? – спрашивает он.

– Простите, что помешали. Мы ищем мальчика по имени Давид, он недавно у вас.

– Мы его родители, – говорит Инес. – Мы приехали забрать его домой.

– Это «Лас Манос», сеньора, – отзывается учитель. – Тут ни у кого нет родителей.

– Давиду не место в «Лас Манос», – говорит Инес. – Ему место дома, с нами. Скажите мне, где я могу его найти.

Учитель пожимает плечами и поворачивается к ним спиной.

– Он в классе у сеньоры Габриэлы, – подает голос кто-то из детей. – Последний кабинет по этой стороне.

– Спасибо, – говорит Инес.

На этот раз дверь открывает Инес, опередив его, Симона. Давида они видят сразу – он посередине первого ряда, одет в темно-синюю блузу, как и все остальные дети. Никакого удивления он, увидев их, не выказывает.

– Пойдем, Давид, – говорит Инес. – Пора попрощаться с этим местом. Пора домой.

Давид качает головой. По классу пробегает шепоток.

Заговаривает учительница, сеньора Габриэла, – женщина средних лет.

– Прошу вас немедленно покинуть мой класс, – говорит она. – Если вы не уйдете, мне придется вызвать директора.

– Вызывайте своего директора, – говорит Инес. – Я желаю сказать ему в лицо, что я о нем думаю. Идем, Давид!

– Нет, – говорит мальчик.

– Объясни мне, Давид, кто эти люди? – спрашивает сеньора Габриэла.

– Я их не знаю, – говорит мальчик.

– Это чушь, – говорит Инес. – Мы его родители. Делай, что тебе говорят, Давид. Снимай эту уродливую форму и идем.

Мальчик не шевелится. Инес хватается за руку и вздергивает на ноги.

Он с яростью вырывается.

– Не трогайте меня, женщина! – кричит он, пылая гневом.

– Не смей так со мной разговаривать! – говорит Инес. – Я твоя мать!

– Нет! Я не ваш ребенок! Я ничей ребенок! Я сирота!

Встревает сеньора Габриэла.

– Сеньора, сеньора, хватит! Прошу вас, немедленно уходите. От вас и так уже много беспорядка. Давид, сядь, возьми себя в руки. Дети, вернитесь на свои места.

Больше тут ничего не добьешься.

– Идем, Инес, – шепчет он, Симон, и выводит ее из класса.

После их бесславной попытки забрать мальчика Инес объявляет, что она больше не желает иметь ничего общего с ними обоими – и с Давидом, и с Симоном.

– Отныне я буду вести собственную жизнь.

Он молча склоняет голову и удаляется.

Проходит время. И вот как-то рано поутру в дверь к нему, Симону, стучат. Это Инес.

– Мне позвонили из приюта. Что-то стряслось с Давидом. Он в лазарете. Хотят, чтобы мы его забрали. Ты со мной? Если нет, я поеду одна.

– Я с тобой.

Лазарет расположен вдали от основных зданий. Они заходят и обнаруживают, что Давид сидит в кресле-каталке у двери, полностью одетый, на коленях у него рюкзак, сам он бледен и напряжен. Инес целует его в лоб, Давид принимает этот поцелуй отрешенно. Он, Симон, пытается обнять его, но мальчик отмахивается.

– Что с тобой стряслось? – спрашивает Инес.

Мальчик молчит.

Возникает медсестра.

– Добрый день, вы, надо полагать, опекуны Давида, о которых он столько говорит. Я сестра Луиса. Давиду пришлось нелегко, но он был молодцом, правда, Давид?

Мальчик не обращает на нее внимания.

– Что тут происходит? – спрашивает Инес. – Почему меня не уведомили?

Не успевает сестра Луиса ответить, встревает мальчик.

– Я хочу ехать. Поехали?

Инес сердито шагает впереди, они с сестрой Луисой катят мальчика по территории, мимо любопытствующей детворы.

– До свидания, Давид! – говорит кто-то.

Инес открывает дверь машины. Он, Симон, и сестра Луиса поднимают мальчика и кладут на заднее сиденье. Он поддается, как поломанная игрушка.

Он, Симон, обращается к сестре Луисе:

– И это все? Ни слова объяснения? Давида отправляют домой, потому что он вам не годится – вашему заведению? Или вы рассчитываете, что мы его вылечим и привезем обратно? Что с ним случилось? Почему он не может ходить?

– Весь лазарет на мне, помощников у меня нет, – говорит сестра Луиса. – Давид – славный юноша, он скоро поправится, но ему нужна особая забота, а у меня на это нет времени.

– А ваш директор, ваш доктор Фабрикante, осведомлен – или вы избавляетесь от Давида по собственной инициати-

ве, потому что у вас нет времени с ним возиться? Спрошу еще раз: что с ним стряслось?

— Я упал, — говорит мальчик с заднего сиденья. — Мы играли в футбол, и я упал. Вот и все.

— Ты сломал себе что-то?

— Нет, — отвечает мальчик. — Поехали, а?

— Его осматривал врач, — говорит сестра Луиса. — Дважды. У Давида общее воспаление суставов. Врач сделал ему укол, чтобы пригасить воспаление, но укол не подействовал.

— То есть вот, значит, что в вашем приюте творится с детьми, — говорит Инес. — У этой болезни, от которой ему делали укол, есть название?

— Это не болезнь, это воспаление суставов, — говорит сестра Луиса. — Воспаления у детей — вещь нередкая, когда они растут.

— Чушь, — говорит Инес. — Ни разу не слышала о ребенке, который растет так быстро, что ходить своими ногами не может. То, что вы с ним сделали, — позор.

Сестра Луиса пожимает плечами. Холодно, и ей хочется вернуться в уютный лазарет.

— Прощай, Давид, — говорит она и машет ему в окно.

Дети из приюта с любопытством стягиваются к ним, машут им вслед.

— А теперь выкладывай, Давид, — говорит Инес. — Начни с самого начала. Расскажи, что случилось.

— Нечего рассказывать. Посреди игры я упал и не смог

встать, они уложили меня в лазарет. Думали, я сломал ногу, но пришел врач и сказал, что не сломано.

– Тебе было больно?

– Нет. Больно по ночам.

– А дальше? Скажи, что было дальше.

Встревает он, Симон.

– Хватит пока, Инес. Завтра отвезем его к врачу – настоящему врачу, получим настоящий диагноз. Станет ясно, что делать дальше. А пока, мой мальчик, слов нет, до чего мы с твоей матерью счастливы, что ты возвращаешься домой. Начнется новая глава в книге твоей жизни. Кто выиграл в том матче?

– Никто. Они забили гол, хороший, мы забили гол, тоже хороший, – и забили гол не очень хороший.

– В футболе все голы засчитываются, хорошие они или плохие. Хороший гол плюс плохой гол – это два гола, значит, вы выиграли.

– Я сказал «и». Я сказал, мы забили хороший гол *и* мы забили плохой гол. «И» – это не то же самое, что «плюс».

Они подъезжают к своему многоквартирнику. Невзирая на боль в спине, он, Симон, вынужден нести мальчика наверх, как мешок с картошкой.

За вечер понемногу складывается более полная история. Еще до той роковой игры, как выясняется, уже поступали тревожные сигналы: у Давида время от времени внезапно отказывали ноги и он падал на землю, словно его сшибало ве-

ликанской рукой. Миг спустя жизненная сила возвращалась и Давид вставал.

Снаружи это выглядело так, будто он просто спотыкается о свои же ноги. А затем настал день, когда он упал, но сила в ноги не вернулась. Он лежал на поле, беспомощный, словно жук, пока не притащили носилки и не унесли Давида прочь. С того дня он застрял в лазарете, пропускал уроки.

Еда в лазарете была ужасная: по утрам вареная крупа, вечером гренок с супом. Все в лазарете на дух не выносили эту еду и рвались на выписку.

Ноги у него болели все время. Сестра Луиса заставляла его делать упражнения, чтобы укрепить ноги, но упражнения не помогали.

Хуже всего болело по ночам. Иногда от боли не мог спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.